

ЮРИЙ МЕРКЕЕВ

Стеклянные люди

РОМАН

Юрий Меркеев

Стеклянные люди. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096499

ISBN 9785448551673

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман – саморегуляция. Роман – психотерапия. Роман – философия. Роман – любовь. Каждый найдет для себя нужные символы. Роман – символ. Кто-то найдет детектив, кто-то окунется в любовную негу, кто-то отыщет философский путь. Одно несомненно – скучать не будете.

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	25
5	28
6	35
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Стеклянные люди

Роман

Юрий Меркеев

«В сущности, есть лишь один вид психической ненормальности – неспособность любить»

А. Нин

«Возможно, я не изгнал из себя рай окончательно. Если человек способен чувствовать боль, значит, он живой. Не все потеряно. Боль не всегда оставляет после себя кладбище. Иногда душа начинает плодоносить и дает шанс на исцеление. А исцеление – это путь к раю»
Дневник Тихохода

© Юрий Меркеев, 2020

ISBN 978-5-4485-5167-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ночь.

От крепкого сухого мороза звенят высоковольтные провода, «перешептываются» между собой звезды. Я слышу все эти звуки, несмотря на то, что нахожусь в приемном покое больницы в кресле. Пытаюсь вздремнуть. Сквозь узкую зарешеченную щелку окна в кабинет робко заглядывает красавица-луна. Не доверяйте ей – за ее молчаливой невозмутимостью скрываются тайны. Когда-то ее возлюбленным был сам Зевс. Бедные «лунатики». Говорят, серебристый диск Селены действует на них магнетически – примерно так, как часы на цепочке в руках гипнотизера.

Небольшое помещение приемного покоя расположено в цокольном этаже старого деревянного здания, потолок низкий, темный и какой-то «сутулый». Когда я откидываюсь на спинку старого зубоорубного кресла, принесенного сюда, бог знает кем, и откуда, перед моими глазами всплывает серое «брюшко» отсыревшего и местами провисшего потолочного перекрытия. Иногда я с ужасом представляю себе, что может случиться, если потолок рухнет. Встревоженная фантазия рисует, как «брюшко» скидывает на меня десант ошарашенных пациентов из наблюдательной палаты, которая, по моему мнению, находится ровно над моей головой. И в памяти проносится песенка про адское дно: «Прислу-

шался, а снизу кто-то стучится». Что ж, в психоневрологической клинике атмосфера должна быть особой. Ночной санитар – это солдат на боевом посту.

Свет в помещении обычно я выключаю вечером, оставляю уличный фонарь, который болтается на ветру и скрипит, как плохо смазанные качели. Все звуки ночью наполняются мрачными ассоциациями. Вспоминается детство и первые страхи под одеялом после чтения сказок Гофмана. Однако ко всему привыкаешь – даже к страху. И когда привыкаешь, то небольшой дозы этого «возбуждающего коктейля» в привычной обыденности уже не достает.

Мне двадцать пять. После службы в армии я поступил в медицинский институт, но по причинам семейным не закончил его. На третьем курсе женился...

После полуночи завыла собака. Этот проклятый пес скулит каждую ночь. Рядом с больницей находятся частные домики и старые деревянные бараки, хозяева которых держат живность. Иногда я просыпаюсь от пения петуха на заре, но чаще от лая собак.

В эту ночь пес выл так, будто у него помер хозяин. С жалобными протяжными песнями, адресованными, очевидно, гипнотической Селене.

Я мысленно обругал хозяина пса и решил заварить себе крепкий чай. То есть такой, чтобы ложка в стакане с разбухшей заваркой стояла как в сметане. Несколько глотков полученного напитка – и сон пропадает до утра. Такой «чифирь»

меня научили заваривать в армии. В больнице я узнал еще один способ употребления чая – всухомятку. Пациенты лишены возможности самостоятельно разогреть воду, а потому просто «закидывают на кишку» горсть чайнок и запивают сырой водой. Чайными церемониями они не балуются. Из сухих чайнок вытягивают бодрящий кофеин единственно доступным способом – через ферментацию в собственных желудках. Возможно, поэтому у многих больных бурые под цвет чая лица.

.....

Иногда приходится с одного дежурства сразу заступать на другое. Когда есть возможность приработать, я не упускаю ее. Молодая семья... После такого рабочего марафона даже крепкий чай не бодрит. Нужен сон, пусть короткий, но сон.

Впрочем, выспаться в полном понимании этого слова на дежурствах никогда не удастся. Дежурства суточные. Ночью больных доставляет психиатрическая бригада скорой помощи.

Бывают дни, когда «психический нерв города» на время словно утихает. За сутки ни одного пациента. Тогда я занимаю себя чтением учебников психиатрии или открываю архив и вытягиваю какую-нибудь пухленькую папку истории болезни наугад. Должен признаться, что самые увлекатель-

ные детективы могут показаться пресными по сравнению с выписками из жизни патологий. Особенно, если на лицевой стороне истории болезни стоит красный значок «социально опасного и бредового пациента».

Одна из таких историй меня особенно увлекла. Раньше не встречал такого удивительно насыщенного полифонического бреда. Пациент страдал редким заболеванием – раздвоением личности. До сих пор мне доводилось только слышать об этом, читать в учебниках по психическим патологиям, смотреть американские триллеры, в которых носитель этого диагноза обычно превращается в кровожадного монстра и убивает, душит, режет, а потом ... благополучно забывает о своих «подвигах». На деле все оказалось не так просто.

Если любопытно, взгляните сами – передаю с фотографической точностью. Это его дневник. Похоже, что он вел его с предельной откровенностью. Исповедальный тон иногда зашкаливает. Однако бред есть бред. Даже когда он литературно изысканный. Философски глубокий. Бред, в котором иногда не совсем ясно, где начинается граница здравого смысла. И, напротив, заканчивается бред. Скажу откровенно, я так и не нашел, где именно проходит граница между психическим здоровьем и развитием патологии. Прочтите. Может быть, вам удастся проникнуть в смысл закодированного послания Господу Богу. Во всяком случае, очевидно, что больной общался со своим Дневником, как с исповедни-

ком.

Единственное, что я изменил, это имена, фамилии и места событий.

Слышал, что пациент находится в специальной больнице на пожизненном лечении.

Надеюсь, что он никогда не узнает, что я опубликовал его тайну.

Надеюсь...

И вы никому не расскажете.

Господь не выдаст, свинья не съест.

2

Дневник Тихохода

.....

Привет, дневник! Смеюсь, потому что не думал, что бывают сны в руку.

Смешно. Сон в руку. И пистолет тоже в руку. Смеюсь, а самому плакать хочется. Хорошо, что у меня есть ты, дневник.....

Сегодня ночью мне приснился карась, ей-богу, – серебристый, увесистый, с выпуклыми, как у рыбы-телескопа, глазами. Эти уродливые наросты на скошенном лобике карася вонзились в меня двумя немymi укорами – такое случается только в кошмарах. Карась смотрел с «человеческим» выражением и пытался что-то сказать. Жуткое и мерзкое ощущение. Я пытался удержать его в руках, а он выскользнул и плюхнулся в озеро. Но пробудился я от того, что вместо рыбы в моей руке вдруг оказался пистолет и я выстрелил. Во всяком случае, мне отчетливо показалось, что я стрелял в человека, кажется, в женщину. У меня есть наградной «Макаров». Храню его в сейфе, от греха подальше. Но сначала мне отчетливо приснился карась. Смешно – карась в руку.

Никогда раньше мне не снилась живая рыба – к чему бы это? Карась был так велик, что едва помещался в ладонях, гелеобразная слизь покрывала его чешуйчатое тело, пахло тиной и ранним августовским утром. Именно августовским. И я тут же вспомнил, что третьего августа у Натальи День рождения. Хотя сегодня март. Карась был каким-то таинственным образом связан с моей бывшей супругой. Не иначе как был ее посланцем в мой сон. Дело в том, что моя милая Наталья считала себя ведьмой. Никогда не скрывала этого, говорила всегда с ироничной усмешкой на тонких, красиво очерченных *кошачьих* губах. И напевала про себя тоже с усмешкой, и называла меня в шутку «тираном», который запрещает своим любимым петь. Я и был этим непроизвольным тираном, и остаюсь таковым, потому что из всех видов музыкального жанра предпочитаю один – *тишину*.

Уже не первый раз я просыпаюсь со странными, смешанными и непонятными мыслями в марте. Но сегодня что-то решительно сдвинулось в мире, ибо ко мне в сон явился странный посланец – карась – и хотел что-то прошептать своим беззубым «окающим» ртом, но не успел. Я проснулся в половину четвертого утра.

О чем я думал вчера вечером? Конечно, не о карасе. Надеюсь, что никогда в жизни не буду думать перед сном о рыбе, разве что – когда превращусь в кота. Я размышлял об ином. О том, что жизнь моя в пятьдесят пять лет распалась как бы на две половинки: в прошлом осталось здоровье и кураж,

в неясном будущем – хромота, прогрессирующий артроз коленного сустава и, возможно, инвалидность. Сказать, что при этом я не думал о Наталье, было бы глупо. Она незримо присутствовала рядом со мной повсюду, хотя географически была очень далеко. Не только географически, но и физически. Я разделяю эти понятия, потому что первые месяцы после разрыва я чувствовал ее запах, теплоту смятой постели, на которой мы спали, сходил с ума от ее незримо присутствия.

Вчера я не удержался и на пике своих ностальгических воспоминаний принял немного горячительного, чтобы снять душевную и физическую боль. Боль-то по сути одна, но «счастливому обладателю артроза и ностальгии» кажется, что физическая боль никак не связана с хандрой душевной. Так могут рассуждать лишь «неофиты» в болевых ощущениях. А я себя неофитом не считаю. Ранение в ногу и контузия не прошли мимо меня. И артроз у меня вполне «благоприобретенный»! Просто иногда бывает не до самодисциплины и философии. Хочется тупо унять боль проверенным традиционным средством. Выпил стакан коньяка. Не помогло. Принял еще. Принимал до тех пор, пока не отключился. И вдруг в похмельном предутреннем мозговом тумане – совершенно ясный уродливый карась с выпученными глазами. Честно говоря, я и на рыбалку никогда раньше не ходил. Я имею в виду обычную рыбалку с удочкой, накопанными с вечера червями, с целлофановым пакетом для добычи. Только

в раннем детстве. Летними туманными утрами плелся с друзьями на озеро и таскал на удочку каких-то мелких рыбешек для рыжей кошки, которая жила у нас в семье. Приятели говорили, что мы «ходили на карася». Но то, *детское*, уже давно не беспокоило меня воспоминаниями. Оно казалось таким далеким и неясным, что не являлось ко мне во сны, как утерянный навсегда рай. А карась во сне и Наталья были явными, сегодняшними переживаниями. И боль в коленном суставе, и общая хандра. То *детское карасевое* и *сегодняшнее настоящее* объединяло лишь то, что они были напоминанием о потерянном рае. Мне бы хотелось когда-нибудь стать *достаточно старым*, чтобы снова почувствовать себя ребенком и начать читать сказки. «Будьте как дети». Это призыв не потерять рай, не изгнать его из души омерзительными мыслями. А я изгнал. И теперь сам себе напоминаю изгоя. И гонителя в одном лице. А еще, как верно замечала Наталья, я был тираном, запрещающим родным людям петь.

Не сползая с постели, я перетянул коленный сустав шерстяным шарфом. Потом доковылял до холодильника, в котором оставалось пиво. Открыл ноутбук и заглянул в сонники. «Женщинам караси снятся к беременности, если карась...» Не то! «Мужчинам – к прибыли, если карась был пойман». Своего карася я не поймал, но и не упустил, кажется.

Уж лучше бы мне приснилась моя прелестная Наталья с золотистыми локонами до плеч и светящимися кошачьи-

ми глазами. Все-таки март. Весна. Воздух напоен хмельными ароматами. Красавица могла приходить во сны даже против моего желания. Обладала каким-то сверхъестественным даром. Мы умели общаться на расстоянии. Иногда я этому во все не противился потому, что после Натальи у меня не было постоянных женщин. Были случайные. О них я забывал быстрее, чем марку автомобиля, на котором мы подъезжали к моему дому, чтобы ночью за деньги или без них на время забыть об одиночестве и душевной боли. Впрочем, все это в прошлом. Даже *это*. В том самом прошлом, в котором осталось здоровье и кураж. Теперь – надвигающаяся инвалидность и карась во сне весеннем. Вот так-то, господин полковник. Тебе тоже никто давно не пишет. Посылает в твои сны весточки.

Что-то очевидно изменилось в мире за эту ночь. «Надо бы посмотреть на себя в зеркало, – с горечью усмехнулся я. – Не превратился ли я в какое-нибудь чудовище из кошмарных видений Франца Кафки? Быть может, я увижу в зеркальном отражении не пятидесятипятилетнего сухощавого седого полковника К., а покрытого щетинистой шерстью упитанного кабанчика, которого можно пускать под нож добросовестному мяснику? Фу, какой бред несется утром с похмелья».

И все же что-то очевидно изменилось за эту ночь.

В комнате холостяка все как обычно – «художественный» беспорядок. Пахнет мазями с пчелиным и змеиным ядами.

Вчера втирал все эти снадобья в больное колено. Змеиный яд «горячее».

«... Уж лучше бы мне приснилась Наталья, а не карась».

Что-то поменялось в окружающем мире за эту ночь. Я это чувствую. Прошла физическая боль? Надолго ли? Скоро вернется. И притащит за собой душевную хандру – будьте уверены! Я изучил боль за последний месяц так, как изучают женщину, с которой не расстаются ни на секунду. Наталья... не выходит из головы. Если боль вернется, то на древнегреческом это будет звучать благозвучно и даже немного радостно – «ност» «алгия». В переводе – «возвращение боли». Черт бы побрал такую ностальгию. Если бы во сне весеннем появилась моя бывшая супруга, это была бы приятная ностальгия.

Что же поменялось? Трость. Точно! Тросточка.

В углу в прихожей серебристым светом отливал новый для меня предмет – приобретенная три недели назад в аптеке алюминиевая трость с рукояткой из орехового дерева. Трость. Да. Отнюдь не романтическое копьё Дон Кихота. И не орудие воина Георгия – Победоносца. И не «денди трость» из стихотворения Гейне. Скорее, символ нового мировоззрения. Знак новой философии тихохода. Я усмехнулся. Удилище, с помощью которого я поймаю первого в своей жизни карася. Нечто незыблемое, как потерянный рай, и эфемерное, как ад, в который вступаю. Ад и рай понятия реальные, но совершенно неопределимые. Где закан-

чивается рай и начинается область ада? Если при жизни, то рай – это утраченное навсегда детство. Ад – невозможность любить. Кажется, любить я еще был способен, несмотря на внешнюю атмосферу ада. Значит, рай не окончательно покинул меня. Иногда во мне скапливалось столько нежности, что я не знал, на кого излить ее. Знакомился с девушками по Интернету и признавался им в любви, а они шарахались от меня, как от маньяка, и были правы: нежность нужно изливать на любящих – тех, которые находятся рядом. Со мной рядом находился черный кот Тихон, которого я иногда в шутку величал «архиерей» за его монашество и горделивую осанку. Монашество его было вынужденным. Я тиранил кота и не выпускал его на улицу, боялся, что пропадет там среди своих сородичей, влюбится в какую-нибудь рыжую красавицу и сбежит с ней в жизнь вольную. Окончательно меня забудет, и мне не с кем будет разговаривать долгими зимними вечерами. «Архиерей Тихон» – не тот, для кого копилась моя нежность. Ему доставались моя боль и раздражение. Впрочем, и капли любви, когда я понимал, что он единственное существо, которое разделяет со мной одиночество холостяка.

Кажется, я выяснил, что изменилось в эту ночь по существу, то есть не только внешне или событийно. Нет. По существу моего мировоззрения. *Я должен попытаться принять новую философию жизни. Стать другим.* Именно об этом я вчера и размышлял перед сном. Я должен стать спокойным,

тихим, смиренным. Научиться жить с болью и тростью тихихода. Перестать быть тираном, уничтожить в себе эгоизм собственника, по утрам пить крепкий чай, а не пиво, читать перед иконками утреннее правило, иногда бывать в церкви. Учиться молиться. Не думать о мартовских снах, в которых я жду Наталью. Никогда никого не осуждать. Даже мысленно. И ходить..., ходить..., ходить..., ползать малыми шагами..., малыми кругами..., без ропота накручивать круги, как молитвенные четки. Как когда-то я проделывал это в госпитале после ранения. Но тогда я был молодой, а теперь... о, господи! Как это много для такого *изгнавшего из себя рай* типа, как я! Как это много для *человека бегущего*. Все равно, что взлететь. А мне предстояло научиться ползать без ропота. Не слишком ли крутой поворот для пятидесятипятилетнего холостяка-эгоиста?

3

Вероятно, карась во сне – все же посланец моей Натальи. Не зря я так усиленно думал о ней в последние дни. Март? Или что-то иное? Все в одном клубке – и март, и арт-роз, и «возвращение боли домой», и, конечно – загадочная сущность женщины, которая играет в ведунью. Игра постепенно становится свойством души. Маска актера врастает в плоть и превращается в лик. Образ жизни меняет сердце. Если проститутки способны стать святыми, то святые вполне могут стать женщинами легкого поведения. Наталья не тянулась к святости. И это нравилось мне в ней особенно. Она не лицемерила, когда соглашалась с «Бунтом стриптиза» Вознесенского: *«Земля покрыта асфальтом города. У мира дьявольский аппетит. Мир хочет голого, голого, голого. Стриптиз бастует. Он победит»*. А я лицемерил, когда не соглашался. Точнее, соглашался, что «он победит», но не желал в первых рядах победителей видеть мою рыжую красавицу.

Когда во мне бунтовала желчь собственника, я мог обидеть ее обвинениями в проституции – нелепость, разумеется. Однако желчь собственника искала выхода. И находила в язвительных посланиях на телефон. Бывало, что моя фари-сейская тирания настигала ее прямо на концерте, и она получала от меня вместо поздравительных виртуальных цветов

двусмысленную «эсэмэску», вроде кусочка из гоголевского текста: *«Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю, и куда они ездили, он ничего не мог сказать; только воротился едва живой, и с той поры иссохнул весь, как щепка; и когда раз пришли на конюшню, то вместо его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорел совсем; сгорел сам собою...»*

Странно – она не обижалась.

Ответила короткой «эсэмэской» – кусочком стихотворения Вознесенского: *«Лежит, стержова, и издевается: «Мол, кошки тоже не раздеваются...»...»*

Странно – она жалела меня за мою желчь.

Естественно – все это было до поры, до времени. Потом ее терпение лопнуло, как от избытка жирной нездоровой пищи лопается желчный пузырь

И появился Пьер или Жан с желтыми *желчными* волосами. Тьфу!

И все-таки она обо мне помнит. Какого черта? Три года порознь. А я? Что я?

Я не могу забыть эту ведьму, похожую на британскую ко-

ролеву с треугольной марки из моего филателистского детства. Зачем сегодня нужно наше странное астральное общение? Кому это нужно? Мне?

Мне. В первую очередь – мне! Иначе я с ума сойду и начну разговаривать сам с собою вслух. Впрочем, так оно иногда бывало. Если не сам с собой, то зачастую мои философские бредни выслушивал «архиерей Тихон». И отвечал. Либо понимающим мурлыканием, либо молчаливым презрением, либо укоризненным помахиванием хвоста. Мой кот – идеальный собеседник. У него нет ни одного шанса оставить разговор и скрыться. Я найду его повсюду. Он это знает и уже не прячется. Лишь обреченно выслушивает мои бредни. Предполагаю, что если бы, как в сказке, я превратился в мышь, то с каким бы садистским наслаждением он сначала поиграл бы со мною в «прятки», а потом скушал? Я этого достоин. Затиранил беднягу Тихона, не оскотил его в ветеринарной клинике и не пускаю на улицу. Против воли сделал его монахом. Разве так можно? Я кошачий изверг. И не только кошачий. Наталья называла меня тираном, убивающим в людях музыку. Она права. Я не люблю никакую музыку, кроме тишины. После контузии это стало особенно очевидным. Моя благоверная и ушла от меня потому, что я затиранил ее своими предпочтениями. «Ненавязчиво» навязывал ей только то, что мне казалось ценным в этом мире. Остальное высмеивал. Господи, какой же я был сатрап! Наталья умница, что оставила меня. Такого типа, как я, не вынес бы я

сам. Приходится терпеть себя постольку, поскольку я ношу «кожаные ризы». А так бы выпрыгнул из самого себя и ускакал, показывая на бегу «рожицу». Прощайте, господин полковник! Вы слишком высокого мнения о собственной персоне.

Да. Карась не просто всплыл в моем сне. Наталья была рядом. После сонника я заглянул в электронную почту. Предчувствие не обмануло меня. Она оказалась прозорливее, чем я думал. И внимательнее. Чертовка! Не ведаю, как она узнала об артрозе, но на моей электронной почте висело ночное письмо, в котором она обрушивала на меня ласковые проклятия. Гневалась за то, что я не рассказал ей о больном колене, грозила приехать-прилететь из Парижа и привезти какое-то дорогое снадобье, способное воскресить даже покойника. Я улыбался, когда читал. В этом была вся Натали. Унижить так возвышенно, что и подкопаться не к чему. «Воскресить покойника». Очевидно, покойником она считала меня. Мы не жили с ней уже сто сорок четыре недели, а она обращалась со мной как с новобрачным. Прелестная женщина. И гнев у нее всегда великолепен. И юмор. Воскресить покойника. Да. Для нее я стал «покойником», которого можно иногда «воскресить». Иногда. Для того только, видимо, чтобы поиграть в любовь, а затем скушать. Наталья тоже была кошкой. Она сама признавалась мне в этом. В прошлой жизни она была рыжей Мартой, для которой я ловил своих первых карасей. Думаю, что именно поэтому у нее все-

гда было подспудное желание меня съесть. Кошки не терпят тирании. Наталья терпела, но не долго. Впрочем, пять лет – это большой срок для ведьмы. Быть хорошей женой при дурном муже, оставаясь в душе ведьмой – это великий подвиг. Я понимаю ее. Все пять лет я не давал ей петь. Своей язвительностью. Как только она начинала мурлыкать что-то себе под нос, я тут же иронично осведомлялся: «Этот стон у нас песней зовется?» А она пела и не могла не петь. Теперь поет в парижских клубах и ресторанах, и получает гонорары, которые мне и не снились. Вот так-то. *Се ля ви*. А я сижу с болью в колене и замотанной в шарф ногой, и не желаю петь. Только стонать хочу. И потом иронизировать: «Эта песня у нас стоном зовется?»

Нет, я доволен своим существованием. Это уж я так. От избытка чувств. Уж больно я тоскую иногда без ее тела, запаха, улыбки.

Иногда мы поддерживаем общение в социальных сетях. Но там ведь один глянец – улыбающиеся фотографии с насквозь лживыми комментариями, лайки, похвала. Страна тщеславия. Мир приятных иллюзий.

Моя любимая не знала, что за одну ночь я превратился в тихохода. Поймет ли она меня? Едва ли. Она выходила замуж за полковника, а сегодня от полковника остались мундир да погоны. И головная боль после контузии, и злость – да – немотивированная злость на себя и окружающих. Чаще на себя.

Ко мне на колени запрыгнул черный лохматый кот и принялся ласкаться. Я усмехнулся. Такого эгоиста, как мой Тихон, нужно еще поискать. Ради куриных лап он будет распинаться в своей любви ко мне, бить поклоны не по чину архиерейскому, притворяться, что сочувствует моей боли. Разместится, хитрец, на больном колене для того, чтобы я подумал, что он *кот лекарственный* и за это должен получить от меня двойную порцию *наркотических* куриных лап. Тишка ничего не ест с таким сладострастием, как отварные куриные лапы. Съедает две-три и сонно плетется куда-нибудь в уголок, чтобы его не трогали. При этом засыпает на ходу, как наркоман, принявший дозу героина. А когда спит, то иногда от удовольствия пускает слюну.

Я завел кота после того, как ушла Наталья. Она забрала с собой пять сказочных лет. Теперь образовавшийся вакуум сидит во мне. И очевидно долго еще будет ломить ностальгической болью. Пять лет. Из них пусть только одна десятая наполнена истинным счастьем. Но каким?! Счастье иногда бывало настолько пронзительным, что мне казалось, что моя душа покидает тело. Взрывы. Выхлопы. Фейерверки. Мне кажется, что за несколько таких минут можно отдать годы жизни. И это правда. Только с ведьмами можно быть так яростно счастливым. Но Наталья – одна. Наташа – штучный товар. Она не из категории сериальной пошлости в искусстве любви. Она сама – воплощение любви и нежности. При полном отсутствии терпения. Фейерверк чувств без склада доб-

родителей. Она – копия «я». Зеркальное отображение. Может быть, поэтому мы и не сумели быть вместе?

Я вытащил из кастрюли отварные куриные лапы и бросил одну из них в миску Тихона. Кот мигом соскочил с моего колена и бросился на еду.

«Что ж, кот как кот, – улыбнулся я, глядя, с каким хрустящим аппетитом он поглощает любимую еду. – И даже монашество не испортило его ласковый характер».

4

Привет, дневник! Хорошо, что ты у меня есть. Я никому не доверяю больше, чем тебе. Даже священнику на исповеди. Священнику? Да что там священник? Даже от Бога постараюсь скрыть кое-какие мыслишки. Что, нельзя? Бог всех нас сотворил свободными. А если я свободен, то почему не могу по собственной воле скрыть от Бога свои мысли? Бог не создал нас свободными? Изначально сотворил нас рабами? Возвращаю назад билет раба. А мне верните билет господина. Иначе... что я могу сделать? У меня есть не только карась во сне. Есть более реальная штука в сейфе. Наградной пистолет. Боже, ты же не хочешь меня искушать? Не так ли? Бог никого не искушает. И не искушается сам. И никого не кушает. Ладно, Бог с тобой, Боженька. У меня есть куда более покладистый собеседник. Мой дневник. Он никогда не станет мне диктовать, что хорошо, а что плохо. Он настоящий, зримый, вещественный собеседник. Весомый, глубокий мудрый, любвеобильный. А ты разве такой? Сколько раз я стонал от боли и призывал Тебя явиться на помощь, особенно в госпитале после ранения и контузии. Но вместо Тебя всплывала в стонущем тумане ласковая девушка в белом халате и делала мне укол. И мне становилось хорошо – как Тихону после принятия куриных лап. А потом я внушал себе мысль, что ангела в белом хала-

те прислал мне Ты. Будто бы услышал мои стенания и помог. Но разве медсестра не явилась бы ко мне и без молчаливого крика к Тебе? Ты есть и являешься источником всего существующего, включая меня, медсестру и пулю, которую выпустила в меня женищина-снайпер с внешностью славянки – рыжеволосая сучка, выигрывавшая чемпионаты по биатлону. Ты помогаешь не умереть от скуки всем – и бандиту, и праведнику. Чаще почему-то разбойнику. Впрочем, прости меня. Гнус какой-то накатил. Боль. Даже воспоминание о ней делает меня диктатором. Терпения нет ни капли. Ты за меня страдал на Кресте. Я не могу ответить даже тысячной долей страданий. Я слаб. Болезненно слаб. Привык жить без боли. Как наркоман, ей-богу. А мне нужно учиться страдать, потому что жизнь не бывает без страданий. Чем больше я живу, тем чаще убеждаюсь в этой истине. Новую философию Тихохода нужно привязать к боли. Научусь жить с болью, научусь смирению. Начну исцеляться, из ада выползу в рай. Ключевая идея моей новой философии – изгнать из себя ад, чтобы расчистить место для рая. Пока же – учиться молиться, то есть общаться с Тобой. Учиться. С азов. А пока учусь, буду общаться со своим божеством – Дневником. Он принимает меня таким, каков я есть. А я не хочу быть рабом. Желая чувствовать себя господином. Как минимум собственных мыслей. Если человек не научится быть господином своих мыслей, то он станет рабом чужих. А страх побуждает стать диктатором. Все

диктаторы родились от трусливых мыслей и от неумения управлять своими желаниями. Я был таким. Знаю, о чем говорю. Раньше я поступал так со своими подчиненными, друзьями, женищинами и с ней – Натальей! От неспособности контролировать свои желания я диктовал правила своей любви. Я был диктатором любви, а в любви не может быть никакого диктата. Может быть, я просто лишен настоящего понимания и ощущения любви? Я называю этим словом не совсем то, что таковым является? Со мной такое возможно. Потому что большего упрянца, чем я, не знаю. В жизни не встречал такого упрянца. Я смеюсь над собой. Это хорошо. Плохо, что Наташа не видит, как я это делаю. Она думает, что я серьезен как чучело медведя. Она не понимает, что даже я способен меняться. Даже я! И чучело может ожить и воскреснуть в новой сущности. Даже валамова ослица заговорила человеческим голосом, когда это было необходимо. Почему же я не могу измениться?

Дневник... март... черт бы его побрал!

Наталья снова была повсюду. В смятой постели, в утреннем пиве, в ванной, в зеркале, в молчащей темноте ночи, в провале холостяцкого быта, в глазах моего монаха поневоле «архиерея Тихона», в музыке пианино за стенкой, в писклявых голосах разносортных певичек по радио. Повсюду присутствовала она – рыжеволосая ведьма с глазами, похожими на два эфиопских опала, в которых застыли моря. И я разговаривал с ней, когда Тихон спал. Разговаривал с ее фотографиями, с ее зрительным образом, который сопровождал меня во снах. Кажется, что она была даже в моей новой философии тихохода – в серебристой трости, в малых шагах, в ироническом отношении к собственной персоне. Она пропитала своим присутствием пространство квартиры. От нее нельзя было укрыться ни в молитвах, ни в морозных утрах, ни в горячем кофе. Да и не хотелось укрываться – с ней было лучше, чем без нее. Доходило до смешного. Я знакомился с Ириной, Викой, Александриной, но уже через месяц начинал по ночам называть их Наташами. Она смогла проникнуть даже в женщин, с которыми я спал – спал, чтобы выгнать из себя бывшую супругу. Вероятно, нужно было смириться с тем, что наша связь какая-то особенная. Начало ее

положено на земле, но существует она в вечности. Ни с одной женщиной у меня не было ничего подобного. Весеннее обострение? Мартовский синдром? Атмосфера талого снега и обновленных запахов? Если я заболел ей снова, то болезнь эта была приятнее, чем оздоровление. И все же это болезнь, а я не из тех сентиментальных нытиков, которые поэтизируют патологии и бродят по жизни с плачущим ликом Пьеро. Приказ самому себе – сильнейшее лекарство. Хватит распускать свои мысли. Если ты не станешь хозяином самому себе, ты превратишься в раба. Нет. Рабская психология не по мне. Пусть французские мальчишки умывают ей ножки. Я умываю руки. У меня есть боль, на фундаменте которой я воздвигну здание новой философии жизни. Самый сильный стимул к жизни – не влюбленность. А боль. Влюбленность – это наркотическая эйфория. А боль – это ледяной душ. Слава Богу за то, что вместе с ностальгией ко мне пришел артроз. Двадцать лет назад пуля из снайперской винтовки раздробила мне колено, теперь ко мне возвращается боль, которую когда-то я уничтожил с помощью жажды жизни. В то время я не был философом, тем более – тихоходом. Мне хотелось летать. Вероятно, наступил период настоящего взросления. Хватит обманывать себя, полагая, что влюбленность – это лекарство. Наркотик – да. На время он укроет меня от боли. Но вскоре она вернется и притащит с собой сотню заболеваний. Об этом расскажет любой врач-нарколог. Мне нужно это в пятьдесят пять? Смеюсь, а самому плакать хочется.

От счастья – я протрезвел!

Если *она* не покинет меня, придется вытравить из себя *ее* образ, сжечь его на кострище, а пепел развеять по ветру. Никогда не нужно так подлю шутить с полковником, пусть и отставным. На своем веку я сжег много ведьм. Для меня не будет откровением расправиться еще с одной. Чем больше «возвращение боли», тем сильнее мое оружие. Какая же она глупышка! Нашла, с кем состязаться.

Боль поможет мне и в этом. Я хозяин своим мыслям? Если да, то мне ничего не стоит соединить образ Натальи с болью, которую я пытаюсь сжечь в костре новой философии. Разве недостаточно будет вызвать с помощью настройки на негу ее облик и воздать ему должное? Привязать к кострищу аутодафе и публично казнить. Средневековая инквизиция знала, зачем сжигает еретиков. Очищение пространства от патологии. Когда заболел растрепанным церковный организм, нужно было каленым железом прижигать гноящуюся и смердящую рану – чтобы весь организм не погиб. Человеку с запущенной гангреной отрезают ногу не ради отмщения, а по великой любви – чтобы жил. Теперь и я должен совершить операцию самому себе для того, чтобы не превратился в разлагающийся труп при жизни. Глупышка! Нашла, с кем тягаться. С полковником, у которого в сейфе лежит пистолет.

Итак, что же изменилось за эту ночь, кроме того, что я увидел символ новой философии жизни – трость Тихохода, – и в очередной раз поставил себе диагноз – влюбленность

в собственную жену, с которой расстался тридцать шесть месяцев назад?

Понимание того, что теперь я другой? Возможно. Но так ли это? Может ли одна ночь перевернуть представление человека о жизни? Едва ли. Если только этот процесс не бродил в моей душе давно и только сегодня, как под воздействием катализатора, выдал кристалл из маточного раствора. Любая болезнь – это и есть кристалл маточного раствора. Диагноз не рождается из случайных стечений обстоятельств, он вытекает из патологии. Я слишком долго неправильно жил. Результат не заставил себя ждать. Точнее, заставил подождать – пока я не буду в состоянии внутренне принять его.

Прогрессирующий артроз коленного сустава и в самом деле переломил мою жизнь на две половинки: в прошлом остался человек бегущий. Во вторую половину жизни ступил человек хромающий. Причем, хромать мне приходилось с оглядкой на сильную боль, которая пронизывала мое существо всякий раз, когда я забывал о том, что отныне принадлежу к категории тихиходов. Теперь быстрая ходьба или бег мне были заказаны. Необходимо было подружиться с самим собой, с новым «я». А это было не так-то просто, учитывая безбожный образ жизни *человека бегущего*, подчас – *летающего* в пропасть или вытаскивающего себя за волосы из болота. По существу, мне предстояло смириться раз и навсегда с моей палочкой и невозможностью отныне вести иной

образ жизни, кроме как перестать бежать. Палочка *волшебным* образом примиряла меня с действительностью, обрубала любое неловкое движение мысли в сторону недавнего прошлого, в котором я и в страшном сне не мог бы предположить, что когда-нибудь вольюсь в стайку гуляющих по вечерам по бульвару местных инвалидов и пенсионеров. Стану одним из тех жалких тихоходов, совершающих променады с одной целью: не забыть, как ходить, дышать и мыслить. Я и раньше, бывало, прислушивался к тому, о чем они говорят – люди вяло ходящие. Мне всегда становилось грустно – они поругивали власть, жаловались на пенсию, обсуждали последние политические события из телевизора.

Неужели и я когда-нибудь стану одним из них?

Этот вопрос подвергался уничтожению в самом зачатке.

Раньше – когда бежал.

Не теперь – когда не мог ходить без помощи трости. Мой бунтарский нрав подвергся жестокому анализу и проверке. Стану ли я послушным? Смирюсь ли с малыми шагами или сорвусь и полечу в пропасть? Неужели у этих людей нет своих дорогих сердцу скелетов в шкафах – ностальгических переживаний, на фундаменте которых можно воздвигнуть новую философию? Неужели ведьмы посещают лишь избранных? А может быть, тихоходы просто научились скрывать это? За воскресными посещениями церквей, за стояниями в душных храмах, за перечислениями проделанных грехов на исповедях? Разве можно каяться в том, что насыщает

твою душу, пусть и греховно, но не дает скукожиться ей, как «шагреновой коже»? Каяться на словах. Одними устами. Если сердцу доставляет радость какое-то заблуждение, то покаяние не может быть искренним. Ложь самому себе – это путь к патологиям. А дальше – смерть. Разложение при жизни. Неужели можно жить тихим ходом, чувствуя, что твоя нога уже подверглась гангрене? Если не расправиться с болью радикальным способом, а унимать ее препаратами от боли, можно умереть от общей интоксикации. Разве можно просить у Бога убить в себе самого себя? Нет. Наверное, тихоходы – хорошие притворщики. И у каждого из них есть то, что их держит в жизни – дает силы на борьбу. *Боль!* У каждого из них должна быть своя боль. Если ее нет, значит, человек умер при жизни. Если нет понимания этого, тогда – мрак и провал в серость тихоходной жизни. Без радужных просветов, без греха, в котором можно на время утолить жажду полета. И обрести настоящее покаяние. Святость не зарабатывается серостью. Низкопоклонством. Святость даруется тем, кто научился вставать после падений. Но и сама святость – это не свойство человека, склонного к падениям. Это свойство Бога, которое иногда даруется человеку на время. Как мне когда-то была дарована сильная и взаимная любовь к одной красивой женщине, и пуля в ногу от другой.

Я бросил ироничный взгляд на серебристую трость в прихожей.

Символ новой философии.

Знак новой жизни. Так ли это?

В запасе у таких своенравных типов, как я, всегда должно быть что-то, кроме палочки тихохода. Сверкающая трость, символизирующая начало новой философии, не может стать твердой опорой в жизни. Я должен одухотворить инвалидную палку, придать ей сказочное свойство. Да. Тело мое ходит по земле, но душа витает в пространствах эфирных. Мечта может окрылить меня, сделать атмосферный столб не таким тяжелым.

Я не сомневался в том, что мысль материальна. Читал, что йоги способны взглядом убить слона. Впрочем, не верил, что индус станет уничтожать концентрированной энергией мысли священное животное. Скорее всего, это лишь красивая легенда. Миф. Однако миф не есть фальсификация какой-то идеи. Иная интерпретация – да. Но не извращение истины. Итак, мысль – это сгусток энергии.

6

Мыслью можно заразить дух, и он сотворит чудо. Это опробовано. Внушение мыслью – один из лучших способов борьбы с недугом. Не зря сами медики считают, что верующие в помощь невидимых сил переживают болезни легче. Быстрее поправляются. А иногда случаются и чудеса. Главное – глубина переживания, сила веры. В одном из патериков описан случай чудесного исцеления слепой монахини. В женский монастырь пришел разбойник, переодетый в облачение святого старца. Вид у разбойника был внушительным – горящие очи, седая борода, худоба аскета. Потому и пошла молва в округе о том, что это есть великий пустынный, способный исцелять одним прикосновением. Монахини с благоговением встретили «старца», омыли ему ноги по древнему восточному обычаю. Подвели слепую. Опрыскали ее лицо водой после ног «святого старца», и слепая прозрела. Вот что значит сила веры. Сила внушения. Потенциал человека неисчерпаемо велик.

Потому-то я не торопился стать человеком хромым. Вяло переставлять ноги и болтать о какой-нибудь чепухе, вроде политики, которую я, признаться, терпеть не мог, не входило в мои планы на будущее. Уж лучше что-нибудь придумаю, окружу себя духами-служителями, внушу мысль о полном исцелении с помощью веры, займусь плавной йо-

гой, настрою себя на «мелодию боли», чтобы проникнуть в ее существо, сольюсь с ней в смирении, приму ее, как самого себя, полюблю ее, как производное меня самого. И в этой любви потеряю ее, забуду о существовании боли и хромоты, или... убью ее – удалю одним точным движением скальпеля. Сделаю операцию самому себе. Иными словами, смирюсь, не опустив руки. Не впаду в уныние, подниму свою голову высоко, как бы ни было плохо. Сам Бог советовал так поступать последним людям. А мы разве не последние? Каждый человек, чтобы жить в полную силу, должен ощущать себя последним человеком на земле. Чтобы любить на полную катушку, необходимо поверить, что ты – последний мужчина на земле, а с тобой рядом находится последняя женщина. Даже если она будет твоей первой любовью.

Не зря же наш ум называют рулем всего корабля по имени «существо человека». Куда поведет ум мой, туда и пойдет сам корабль – то есть я – человек хромающий, – и, возможно, плывущий по океану фантазий. В мире моих грез боли быть не должно. Как прозрела слепая монахиня от слепой веры, так должен «прозреть» ногами и я. Тем более, я не одинок в этой борьбе. Сколько людей одержало победу духа над плотью! Меня это радует. И не может не вдохновлять на подвиг мягкой войны с самим собой. Боль не вышибают клином – не тот случай. Боль вымывают из себя грезами и любовью. Фантом боли не может вернуться в обитель, очищенную от разрушений войны. Не может вернуться хищ-

ный зверь в публичное пространство, залитое солнцем любви и фантазий. Таков был мой продуманный подход к своему артрозу: сильнее, чем боль, ничто не мотивирует человека на перемены в жизни.

Итак, главная моя перемена произошла не в окружающем пространстве, а во мне самом.

Бутылка пива и реанимированная влюбленность к Наталье освежили мои мысли и настроили на позитивный лад.

Я допил пиво, переместился в комнату и приоткрыл там окно. Запах от вчерашних втираний в колено вьелся, кажется, не только в мою плоть, но и в «кожу» квартиры – в стены с обоями, компьютерный столик, два мягких кресла, диван. Свежая струя утреннего воздуха скользнула вдоль занавески и остановилась перед кроватью, как вкопанная. Показалось, будто она в нерешительности колеблется – стоит ли ей преодолеть упругий змеиный дух. Ночью я несколько раз просыпался от боли и втирал в колено то пчелиную мазь, то змеиную. Мазь с ядом гадюки была крепче, злее и горячее. Впрочем, я точно не знаю, гадюки или кобры? В любом случае, помощь *змеи* была ощутимее.

Пиво всосалось в кровь, легло на вчерашние дрожжи. *Яд змеи*. Почему-то в мыслях возник образ Натальи без одежды. «У мира дьявольский аппетит. Стриптиз бастует. Стриптиз победит». *Лежит, стержоза, и издевается – мол, змеи тоже не раздеваются*. Я улыбнулся. У нее было потряса-

ющее тело, фигура языческой богини, «святой проститутки» – жрицы древнеегипетского храма Осириса. Она признавалась мне и в этом – будто бы видела себя «святой проституткой» во сне, отдающейся всякому посетителю мистерий во славу бога Солнца Ра или Осириса. Тело упругое, воспитанное многолетней гимнастикой йогов, со шрамом после операции, пикантной *змейкой* пробегающей от верхней части пресса до пупка. Этот шрам я называл «утренней дорожкой для променада». Наталья смеялась. В постели мы не знали запретов.

Я закрыл глаза и втянул в себя струю свежего воздуха. Мне было хорошо. Если бы я был каким-нибудь поэтом, то непременно назвал бы утреннюю струйку мартовской прохлады каким-нибудь нежным женским именем, например – Вероникой. Почему Вероникой, не знаю. Это первое, что пришло в голову. Называют же ученые всевозможные торнадо и тайфуны ласковыми женскими именами. Почему бы и мне не назвать эту бодрящую свежесть на фоне приятных воспоминаний женским именем?

«Вероника» преодолела себя и, нырнув вниз к полу, поползла по комнате и проплыла в кухню. Форточка там была приоткрыта. Заиграл сквознячок. Очевидно, моя «Вероника» встретилась там со своим сородичем – бесспорно мужского пола.

А мне стало зябко, и я вспомнил рекомендации врача – не допускать тело до озноба и всегда сохранять в колене

тепло, желательно сухое. У меня был наколенник из собачьей шерсти, и я натянул его на ногу. Теперь Тихон-альтруист не посмеет прыгнуть ко мне на больное место. Собачий дух. Кошачья любовь к хозяину разобьется об это маленькое препятствие – в этом я почти не сомневался. Впрочем, кот уже спал в углу прихожей на обуви, обняв передними лапами мои старые зимние сапоги, и посапывал как человек – Тишка в одну минуту принял свою утреннюю дозу куриных лап. Как немного ему нужно для счастья. Можно позавидовать. Счастье наркомана. Счастье сытой плоти. Не надо философствовать, размышлять, бороться с собой. А впрочем, кто знает, какие мысли бродят в этой маленькой черепной коробочке, покрытой черной ласковой шерсткой? Ведь какие-то бродят? Или же одни инстинкты? Я одухотворяю беднягу, очеловечиваю его. Скорее, это нужно мне, а не ему. Наверное, Тихон был бы не менее счастлив, живя на улице вольной жизнью и питаясь на помойке. А вот мне без кота было бы тошно. Он мой единственный собеседник. Тихон – единственный, кто способен выдерживать часами мои философские бредни вслух. Это я нуждаюсь в нем, а не он во мне. Мне необходимо делиться с живым существом накапливающейся нежностью. Мой природный альтруизм нуждается в эгоисте, на которого я буду изливать свою любовь. Если нет рядом человека, цепочка «альтруист-эгоист» замыкается на коте.

Проходя в комнату, я не поборол искушения заглянуть

в зеркало. Разумеется, свиной головы в отражении не увидел, но нечто расплывчатое и небритое тенью прошло вместе со мной. Необходимо было побриться – в этом я находил не просто косметический ритуал, но и своего рода элемент утренней стимуляции. Как чашечка кофе, как змеиный яд, как воспоминание о «святой проститутке». Когда я начисто брился, мне почему-то было уютнее во всем теле. Парадокс? Внушение? Или же факт научный? Бриться я привык еще по милицейской службе. Потом привычку перенес на работу журналиста. Привычки бывают разные, но *эта* держала меня в постоянном тонусе.

На компьютерном столике стояла фотография в рамке: смеющаяся Натали распластала вверх руки. Запечатлена была хорошей фотокамерой в прыжке где-то в горах в Швейцарии. С этой фотографией я иногда «разговаривал». Я знал, что Наталья слышит почти все мои монологи. Мы не раз проверяли это впоследствии в переписке. Странная особенность сверхъестественного общения на расстоянии. Я скептик, однако, вынужден подтвердить, что это факт. Иногда она передавала мне мой монолог с точностью до слова. Что ж! Это лишний раз подтверждает наличие тайных невидимых нам сил, энергий.

А иногда, глядя на эту фотографию, я безбожно ругался, особенно, когда был пьян, и Наталья тут же реагировала на это и замыкалась на месяцы. Потом в коротком сообщении писала, что совершенно перестает меня чувствовать.

За что я ее ругал? По существу, ни за что. Вероятно, изливал желчь. Вместе с нежностью во мне скапливалась и желчь. Иногда я творил глупости. Превращался в тирана, в «синюю бороду». Называл ее увлечения скалолазанием, полетами на дельтапланах «химерой и щенячьей радостью». Однажды так и написал в комментариях к фотографии, которую она выложила в социальную сеть: «Щенячья радость!» Она в очередной раз посетила какой-то старинный замок во Франции и снабдила фотографию сотней восклицательных знаков, многоточиями и обрывками фраз, типа: «Пережила опять это!!!! Провалилась в колодец времени!!!! Средневековье!!! Я видела, как меня ведут на костер инквизиции. Потрясающе!!!! Словно в воронку времен скользнула. Вынырнула в настоящем. Такой кайф!!!!!»

А потом сам себя же и укорял. Ну, она такая. Что мне нужно от нее? Инфантилизм взрослой дамы? Да. Синдром Бенджамина Баттлера? Да. Какое право я имею ее осуждать? Я-то разве сам лучше ее? Чище? Да во стократ грязнее. Не принимаешь что-то в любимом человеке, так хотя не ругай. Понеси немощи, покрой недостатки. Ты же ведь называешь себя православным. Какой же я православный?

Мы расстались с Натальей по обоюдному согласию, но я до сих пор не могу понять, кто из нас двоих по-настоящему православный? Она ли, которая жила только своими ощущениями и называла это единственной собственной религией, связью с Богом? Или я, прочитавший сотню мудрых хри-

стианских трактатов, написавший тысячи православных статей, но так и не научившийся говорить от чистого сердца? Наташа жила ощущениями, оголенной душой она соприкасалась с миром самых разнообразных духов. Но интуитивно панически избегала духов зла. Грубость в любом проявлении, бестактность, иногда – просто дурной вкус или вульгарность в самовыражении, – все это заставляло ее ранимую и открытую душу тут же сворачиваться подобно ежу при намере на угрозу. Однако, если у ежа были иглы самообороны, то у Натальи не было даже колючек. Единственным способом реакции на внешнюю грубость было молчание. Она замыкалась в себе и молчала. И молчание это могло быть очень долгим. Когда я процитировал ей совет христианского святого, призывавшего не отвечать бранью на брань, а молчанием заграждать уста хулящего, Наталья вдруг захлопала в ладоши и рассмеялась: «Ну, это точно как я!» И в это мгновение она была сущим ребенком.

Так, кто же из нас был православным?

Наталья, несмотря на все свои эзотерические причуды, все же была внутри много чище и наивнее меня. А причуды эзотерические есть у всех.

Я с улыбкой взял со стола ее фотографию и сказал, глядя ей в глаза:

– Святая проститутка. Змея. Ведьма. Если бы я был великим инквизитором, то сжег бы тебя на костре.

Отведя душу таким нехитрым образом, я побрился, принял теплую ванну, однако это не взбодрило меня. Очевидно, ночная боль высосала слишком много энергии. Боль – это всегда маленькая черная дыра. Воронка в эфирном теле. Не так-то просто залатать ее. К тому же – пиво. К тому же – вчерашний коньяк. И ностальгия. Короче говоря, я не помню, как снова заснул.

Проснулся от телефонного звонка. И обрадовался – примерещилась в полусне какая-то чепуха: лес, сосны, поляна залита ярким солнечным светом, на трухлявом пне лежит, свернувшись калачиком, змея, похожая на рыжую кошку и слизывает с себя старую кожу. Обнажается. Кошка-змея, змея-кошка. Женщина-оборотень. Я пытаюсь протянуть ей руку, она с шипением бросается на меня и пытается укусить.

Первой мыслью было то, что звонит Наталья.

– Алло, – пробормотал я, беря в руку сотовый. – Кто это?

– Привет, – ласково ответил телефон. – Узнал? Это Ольга Терентьева, редактор информационного агентства. Я на машине. Стою у твоего дома. Мимо проезжала. Пустишь? Есть разговор.

Не знаю, почему, но я обрадовался неожиданному визиту бывшей начальницы. Раньше не обрадовался бы. Теперь все по-другому. Я не общался с женщинами вживую уже око-

ло года. Виртуальное общение – совсем не то, что разговор с глазу на глаз. Вероятно, я так же плохо переносил затворничество, как и мой монах поневоле «архиерей Тихон». Много накопилось нежности, которую необходимо было излить. Последний раз беседовал тет-а-тет с женщиной в белом халате, от которой пахло лекарствами. И говорили мы об артрозе. Ничего лишнего. Полная медицинская аскеза. Почти как в том незабываемом ...году, когда я попал в госпиталь с ранением в ногу.

– Привет, Ольга, поднимайся. Только у меня небольшой бардак.

– Если бы ты знал, какой бардак происходит сегодня в мире, – усмехнулась она. – Неприбранную постель можешь оставить.

Я подошел к окну. Откуда у моей бывшей начальницы такая прозорливость насчет постели?

– Ты один? – вежливо поинтересовалась женщина.

– Со скотом, – ответил я. – С архиереем Тишкой.

– А, это тот, которого ты завел после Натальи?

– У тебя хорошая память. Поднимайся. Приготовлю кофе.

Я стащил с ноги наколенник из собачьей шерсти и открыл окна настежь. Набросил спортивную куртку и вышел на балкон. Внизу золотистой «лысиной» сверкал новенький «Седан». Ольга закрыла машину и помахала мне рукой. Сверху она выглядела подростком. На деле ей было пятьдесят. Она всегда очень ярко красилась, словно наносила

на лицо боевой окрас; была словоохотлива, держалась свободно, но за этой свободой угадывалась внутренняя угловатость и закомплексованность. За плечами – три брака, и все неудачные. Есть, о чем задуматься. Классический тип деловой женщины. Внешний успех давался внутренними ранами, которые никто не лечил. Мужчины рядом с ней не было, дети выросли и разъехались. Оставалась работа. И подчиненные, измученные неутомимым творческим потенциалом начальницы.

Пока она поднималась на четвертый этаж, я подумал о том, что мне очень хочется излить на неожиданную гостью накопившуюся *благосклонность к женщинам*. Однако едва ли я сумею сделать это без фальши – моя нежность, как выяснилось, весьма избирательный продукт, более похожий на переодетый эгоизм, нежели на вселенскую любовь к людям. Зачем лгать самому себе? Мне приятно общаться лишь с теми людьми, кто лично мне симпатичен. А это – *путь в никуда*. Винтовая лесенка в «вавилонскую башню» гордыни, тропинка в затвор социопата. Что поделаешь! Мне было проще находить немые объекты в Интернете и доставлять удовольствие себе, изливая теплые дожди нежности на какое-нибудь «красивое личико», полагая при этом, что я люблю все человечество. Однако, стоило этому «личико» заговорить, как во мне включался жестокий оценщик. Если не было полифонии и созвучия в мыслях-мечтах, общение тут же прекращалось. Избалованный тип. Эгоцентрик. С На-

тальей совпадение в тональностях было почти сто процентным. За исключением, музыки, быть может. Поэзии, религии, культуры. Да. Мы с Натальей были разные, но что-то нас соединяло. Не только постель, не только слова любви, что-то еще – какая-то небесная пуповина, которая один раз сплела нас воедино и уже не отпускала. Кольцо вечности? Восьмерка? Саламандра? Не могу точно сказать. Впрочем, все это родилось из контузии. Я был контужен дважды – один раз на войне, второй – на брачном ложе.

И все же мне было приятно, что в мою берлогу холостяка поднимается женщина. Деловая напористая – из той же категории, что и Наталья. Женщина бегущая. Не Тихоход. У меня заняло под ложечкой.

Я прилизал волосы холодной водой и облил шею одеколоном. Зачем? Сам не знаю. Очевидно, по привычке.

Ольга вошла решительным шагом, она уже бывала у меня в гостях. Я помог ей снять плащ, повесил его в прихожей. Заметив трость в углу, она сказала:

– Тебе не надоело играть в инвалида? На днях проезжала по вашему микрорайону и видела тебя с этой тростью. Ты не вписываешься в коллектив, – усмехнулась женщина, обдавая меня упругим запахом приятных духов. – Алексей, у тебя выправка не старика. Тем более, не инвалида. Инвалидность начинается в голове. Потом проявляется в теле. Рядом с тобой шли старики и старухи. Ты не был похож на них. Полковник, тебе пора братья за жизнь. Помнишь? Что не горит,

то закаляется. Не узнаю тебя. В нашем коллективе все мужчины на тебя равнялись.

– А ты хороший психолог, Ольга, – ответил я с улыбкой. – Только не очень понимаешь, что такое артроз.

– Леша, – погладила она меня по руке. – Твой артроз у тебя в голове. Возвращайся на работу. У меня к тебе деловое предложение. Поставлю тебя редактором новостей. Если захочешь, можешь открыть свой проект культурной жизни нашего города.

– У нас есть культурная жизнь? – съязвил я.

– Не только есть, милый, она города и страны берет.

– Не понимаю, – смутился я.

– погоди, объясню. Ты кофе обещал.

– Да. Прости. Я быстро.

Ольга зачем-то взяла мою трость и прошла в комнату. Вела она себя по-хозяйски, и мне это нравилось. Она присела в кресло и положила себе трость на колени. Затем погладила ее так, как это умеют делать только женщины. Едва прикасаясь ладошкой. У меня снова приятно заныло под ложечкой. Ольга накинула одну ногу на другую. Из-под светлой короткой юбки высветились темные колготки. Черт побери! Март! Она ведет себя естественно, а я накручиваю и накручиваюсь. Нежность?

В ней ощущался психологический голод. Зачем она приехала? Действительно ли ей нужен деловой разговор? Или это просто грубый флирт? Проверка меня на прочность? Явно

не избыток нежности с ее стороны. Такие крепкие дамочки не знают, что такое нежность. Им требуется нечто более конкретное и материальное. Вспомнил ее на Дне журналиста. Это было лет пять назад. Впервые увидел ее пьяной. Вела себя откровенно. Во время танцев висла на мужчинах. Потом флиртовала с водителем. А ближе к ночи поехала с ним купаться на озеро.

– Чем это у тебя пахнет? – поморщилась женщина.

– Гадюкой и коброй, – ответил я, выходя на кухню и ставя варить кофе. – Очевидно, болезни мужчин можно вылечить только с помощью женского яда.

– Bravo. Ты не утратил чувства юмора. А я-то решила, что ты тут пьянствуешь в одиночестве.

Через несколько минут я вернулся с подносом и двумя чашечками кофе.

Она разглядывала фотографию моей бывшей супруги.

– Болееешь без нее? – спросила Ольга.

– Пусть лучше она болеет. Я ее из себя вытравил.

– Ой, ли? – скривила скептически губки женщина.

– Вытравил, – соврал я. – С помощью церковных таинств.

С ведьмами иначе нельзя. Постом и молитвой изгоняется этот род.

Ольга посмотрела на иконки в углу комнаты и усмехнулась – очевидно, заметила паутину вокруг лампадки, которая не зажигалась больше года. Потом перевела понимающий взгляд на меня.

– Ну да, я забыла. Ты же православный. Верующий. Тебе ничего не стоит изгнать из себя воспоминание о бывшей жене. Завидую я верующим. У них все так просто. Покаялся, исповедался, причастился и вон любовь. Красота!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.